

Никита Семин

СЫН ПОМЕЩИКА 5

18+

Никита Семин

СЫН помещика 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73556608

SelfPub; 2026

Аннотация

Конфликт с князем Беловым вышел на новый уровень. Первая победа за Романом, но дойдет ли дело до суда и отправится ли на каторгу князь. А тут еще и первая дуэль неожиданно образовалась. Случайна ли она?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	53
Глава 5	69
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Никита Семин

Сын помещика 5

Глава 1

10 – 11 августа 1859 года

Анастасия была в растерянности. Она никак не предполагала, что случайное знакомство день назад приведет к столь плачевному результату. Она не знала молодого человека, на что он способен. Но он был гораздо старше Романа, который нравился девушке, и говорил о дуэли, как о чем-то обыденном. Словно не в первый раз в ней участвует. Вряд ли подобный опыт есть у Романа.

Люди вокруг шептались, обсуждая произошедшую перед ними сцену. Мало кто понимал, из-за чего один дворянин бросил вызов другому, но самый очевидный фактор стоял у всех на виду – они с сестрой. И Настя невольно поежилась под взглядами толпы.

– Простите, мы не хотели втравливать вас в эту историю, – первой пришла в себя Анна, опередив все еще немного шокированную Настю.

До этого момента никто и никогда не бился на дуэли из-за них с сестрой.

– Вы здесь не причем, – покачал головой парень. – Мне

показалось, что он искал лишь повод, чтобы вызвать меня. Хотя могу и ошибаться. Но давайте не будем о грустном. Лучше выпейте чего-нибудь. Что вам принести?

– Не откажусь от вина, – сказала Настя, проявляя инициативу.

А то, что это все ее сестра вперед лезет? Да и выпить ей сейчас и правда не помешало бы.

– Схожу тогда за бокалами, – улыбнулся Роман, на время покидая девушек.

– А ты говорила – «как дала надежду, так и заберешь», – напомнила Анастасия сестре ее слова. – Неудачно ты это сделать решила.

– Не говори глупости! – возмутилась Анна. – Я и подумать не могла, что до такого дойдет!

Девушке было неловко, что она старалась всеми силами скрыть. Настя не часто видела сестру в таком состоянии.

– Пойдем, найдем папеньку, – предложила она. – Расскажем о дуэли. Может, он согласится стать секундантом для Романа?

Пока шел к буфету, чтобы взять для девушек вина, прокручивал в голове произошедший вызов. Вот уж чего я точно не ожидал, так это дуэли! По дороге у меня на пути вдруг возник Вячеслав Соколыцев. Мы с ним познакомились, когда я писал портрет его отца. Тогда же если не подружились, то вполне неплохо поладили. В театр он пришел со старшим

братом, и мы уже успели перекинуться парой слов раньше, договорившись сесть рядом уже в самом театре. Славе было просто интересно узнать, как у меня дела, а мне хотелось получить хоть какого-то друга примерно своего возраста. Я это особенно сильно ощутил, когда разговаривал с ним. Той легкости в разговоре, способности пошутить на любую тему, я не чувствовал с момента своего попадания в прошлое.

– Ну и жизнь у тебя! – выдохнул парень с горящими глазами. – Правильно ты этого заносчивого индюка на дуэль вызвал. Кстати, нашел уже секунданта? – а у самого Славы глаза горят, явно хотелось бы самому в дуэли поучаствовать, пусть и не в «главной» роли.

– Нет. Буду благодарен, если ты им будешь, – улыбнулся я.

– Спасибо, – расцвел парень. – Я не подведу! Вот только, – вдруг нахмурился он, – а ты сам будешь участвовать или кого-то выставишь вместо себя?

– Конечно сам, – удивился я его вопросу.

Хотя вариант замены был привлекателен. Но это от легкого страха неизвестности – что ждет меня завтра. Ну и я не исключал вариант, что могу проиграть, хотя и гнал его из собственных мыслей.

– Я в тебе и не сомневался, – усмехнулся Слава. И снова озадачился. – Вот только... тебе же еще пятнадцать, так?

– Ну да, а что?

– Выглядишь ты старше. Он мог подумать, что тебе уже шестнадцать. Я к тому, – торопливо начал парень, – что те-

бя могут обязать выставить за себя замену. По закону не положено несовершеннолетним в них участвовать. А уж вызывать – так это моветон. Как узнают, что ты еще недоросль, над ним и насмехаться могут начать.

Пока Слава все это тараторил, я успел все же дойти до буфетной стойки и заказать два бокала вина. Попутно же я обдумывал слова парня. Мысль о том, что на дуэль меня вызвали ради убийства и устранения свидетеля в деле против князя, была первой пришедшей мне в голову, стоило отойти тому франту. Вот только князь в курсе моего возраста, и о правилах проведения дуэлей знает. И что я в силу возраста могу выставить замена без урона для собственной чести, или меня даже обяжут к этому ближайшие родственники – тоже мог догадаться. Но кого я могу выставить на свою замену? Из дальнейшего разговора со Славой выходило, что-либо отца, либо Владимира Михайловича. И раз отца рядом нет, вариант у меня сужался вплоть до одного. А мог ли тогда стать целью не я, а Зубов? Малышев согласился помочь мне только после одобрения тетиного мужа. К тому же – он тоже проходит по делу свидетелем, и его слово на суде будет более весомо, чем мое. Пусть он в квартире князя при его задержании не был, но статус у него такой, что не прислушаться к нему просто не могут. И он не имеет личного интереса в этом деле, в отличие от меня.

– Нет, отказываться и просить замены я точно не буду, – сказал я твердо Славе, когда мы обсудили все нюансы и уже

почти вернулись к сестрам.

Близняшек мы нашли уже в другом конце зала рядом с их отцом. Петр Егорович был хмур. Видимо девушки уже просветили его о событии.

– Здравствуйте, Роман, – пожал он мне руку.

– Вячеслав Соколицев, – представил я парня. – Возможно, вы уже знаете, но меня вызвали на дуэль. Вячеслав вызвался быть моим секундантом.

Поздоровавшись с парнем, мужчина перевел свой взгляд на меня.

– Не считите за оскорбление, но вы вряд ли будете участвовать в ней самостоятельно, – сказал мне Скородубов.

– Из-за моего возраста?

– Да. Вам придется выставить замену.

– Если есть возможность этого не делать, я выйду сам, – покачал я головой.

– Правила здесь против ваших желаний, – вздохнул мужчина. И повернулся к Славе. – А вам, молодой человек, уже есть шестнадцать?

– Да, – гордо вскинул подбородок парень.

Офицер молча кивнул, приняв информацию к сведению. Вечер теперь был изрядно подпорчен. Но не для Славы. Глаза у него горели от азарта. А уж когда он близняшек увидел, так тут же приосанился, а глазом в декольте залип и с трудом отрывал взгляд от упругих полушарий красоток. Правда сами сестры на него не особо смотрели. Слава был ниже

меня почти на полголовы, да и благодаря тренировкам плечи у меня изрядно раздались в стороны. Неудивительно, что я стал выглядеть старше своего официального возраста. И на моем фоне Слава выглядел не столь привлекательно – как настоящий подросток, каким пока и являлся.

Через пару минут нас нашла моя мама, с озабоченным лицом спрашивая – правдивы ли слухи, что меня вызвали на дуэль. А узнав, что да, даже немного побледнела. И тут же спросила, кто именно меня вызвал.

– Он не представился, – хмыкнул я, впервые поняв, что и правда не знаю, что за хлыщ так себя нагло вел.

– Его зовут Михаил Вронский, – тихо подала голос Анастасия.

После чего рассказала историю их с сестрой знакомства с парнем. И эта информация снова поменяла мои предположения об истинной причине вызова. Первая версия, что хотят устранить меня, разбилась о факт моего возраста. А сейчас под сомнение встала и вторая – что нацелились на Владимира Михайловича. Если уж этот франт подкатил к барышням вчера вечером, задолго до всей истории с князем, и обещал с ними встретиться здесь, в театре, то может быть банальная ревность с его стороны. Парень он «резкий», судя по его поведению. И в наших краях его не знают – приезжий какой-то.

– Я поспрашиваю о нем, – заверила нас мама, после чего немедленно отправилась претворять свои слова в жизнь.

Но долго это не продолжилось. Уже через пятнадцать ми-

нут зазвонил колокольчик, приглашая посетителей к просмотру спектакля. В зал я отправился под ручку со Скородубовыми. Обе девушки пристроились ко мне с двух сторон, под зависть шедшего следом Славы и слегка скривившегося Петра Егоровича. Тот предпочел бы, чтобы лишь одна из его дочерей уделяла мне внимание.

Уселись в зале мы также – я посередине, а близняшки с двух сторон от меня, разом перечеркнув мои надежды пообщаться со Славой во время спектакля и по ходу обсудить постановку. Сокольцев сел рядом с Анной, а Петр Егорович с Настей.

На этот раз тетя взяла для спектакля произведение Тургенева «Месяц в деревне». Надо признать, спектакль произвел на меня впечатление. Как заявила сама тетя перед его началом – «такого вы еще никогда и нигде не видели». Вполне возможно, не знаю, насколько Тургенев популярен сейчас. Вот только в спектакле центральными фигурами были богатый помещик, его жена, учитель их сына, давний друг семьи и воспитанница помещицы. И все они были переплетены неким любовным даже не треугольником, а четырехугольником, а то и «пятиугольником». Для меня же произведение частично отражало и мою собственную жизнь в этом мире. Вот также невольно сплелись мои отношения с Пелагеей, с Уваровыми, а сейчас рядом близняшки сидят, ставшие причиной завтрашней дуэли. Спектакль настолько близко показывал быт помещиков, что никто не остался равнодушным.

Все в нем нашли героя, похожего на себя самого хотя бы частично. И при всем этом, спектакль считался комедией. Ну может и так, были моменты, на которых люди смеялись. Хотя для меня далеко не все показалось смешным.

После представления, я попрощался с сестрами, получив от них пожелания удачного завершения истории с дуэлью, пожал руку Петру Егоровичу и договорился встретиться со Славой завтра рано утром. Время дуэли пока не определено, но затягивать с ней никто не будет. До того момента нужно обсудить много вещей – сам я все же выйду, или придется ставить замену, в каком виде пройдет дуэль, где именно. Кстати, сразу после спектакля нас нашел и секундант Вронского. С этим мужчиной около тридцати лет я не был знаком лично, но я вообще еще далеко не всех аристократов Дубовки знаю, так что может он и из местных. Представив ему Вячеслава, все дальнейшие шаги по дуэли я оставил на них и отправился в усадьбу. Мне еще поговорить с Владимиром Михайловичем надо.

Михаил в раздражении уходил из театра. Гребаные приличия, запрещающие после вызова на дуэль видеться с соперником! Да еще и этот нахал, как оказалось, племянник владелицы театра! Об этом Михаил узнал, когда отошел искать себе секунданта. Понятно, что остаться на спектакль не было возможности. Если даже сам парень покинет театр, что очень вряд ли, то его тетя может «попросить» уже самого

Михаила покинуть свое заведение. Уж лучше он тогда сам уйдет, чем его со всей вежливостью выгонят.

Вронский привык считать себя неотразимым. В Варшаве, откуда была родом его семья, он мог соблазнить любую девицу, будь то мещанка или даже дворянка. Вот только после войны его отец – блестящий офицер – попал в опалу. И причина-то была пустяковая – ну не смогла его рота удержать позиции. Бывает, враг оказался сильнее. Но нет же, выдумали, будто Карл Вронский бесцельно бросил роту в атаку, из-за чего и потерял людей. Доблесть его отца вменили ему же в вину! Твари. А ведь отец руку в той атаке потерял!

И вот теперь он вынужден прозябать в этой дыре, пока они проездом движутся к границам с Хивинским ханством. Отцу дали три года на излечение, после чего все же он смог восстановиться на службе. Но вот участок ему выделили самый премерзкий. Хивинское ханство находится в сфере влияния Российской империи. Доблесть там никак не проявишь, чтобы можно было потом вернуться обратно в родную губернию. Зато климат такой, что только врагу пожелаешь. Сам Михаил отправился за отцом вынужденно в качестве волонтера, чтобы помочь ему обустроиться на новом месте. Потом-то он обратно домой вернется, но даже эта короткая поездка не вызывала у молодого человека положительных эмоций.

И вот вчера он увидел на улице двух нимф. Между мыслью и действием у Михаила всегда был крайне короткий про-

межуток времени, потому он по привычке сразу и «бросился в атаку». И даже получив первый отказ, не огорчился – дамы любят пококотничать, но потом всегда падают к его ногам.

Увидев двух красавиц в театре, Михаил приободрился. Он уже не сомневался, что они прибыли лишь для новой встречи с ним, даже если говорили иначе. Но тут... те позвали какого-то франта! Молодой, внешне ничем не уступающий самому Михаилу, что парень мог признать, пусть и сквозь зубы. Да и держался он уверенно, а еще – был центром внимания всех окружающих. Это бесило. Так в Варшаве обычно смотрели на самого Михаила, и он почувствовал в незнакомце конкурента. Прежде чем подойти, Михаил узнал, чем знаменит этот франт. Мало ли, может у него высокопоставленная родня есть в городе. Тогда создавать проблем себе и своей семье Михаил не стал бы. Все же несмотря на свою вспыльчивость и резкость в поступках, он умел унять гордыню в нужный момент.

Расспросы окружающих подняли настроение Вронскому. Оказалось, что этот франт – всего лишь сын какого-то обычного помещика. А знаменит стал скандально и лишь «на час». Сегодня о нем все говорят, а завтра уже и забудут. Да и повод для скандала не самый лучший. Из-за какой-то девки пытаться отправить на каторгу целого князя. В глазах Михаила парень резко «упал» и перестал быть настоящим соперником. Ссориться напрямую он не видел смысла, но и расшаркиваться теперь не будет. Однако попытка мягко пере-

вести внимание красавиц на себя не удалась. Соперник не стал спокойно стоять в стороне и наблюдать, как у него из-под носа уводят дам. И это взбесило импульсивного Михаила до крайности. А так как в глазах молодого юноши тот не стоил ничего, то и последствия были предсказуемы. Дуэль. Отец научил Михаила хорошо фехтовать саблей, и в своих силах он не сомневался. Не раз и не два уже вызывал конкурентов за сердце дам и побеждал их. Поэтому и тут он пошел по привычному пути.

Но все равно, настроение было испорчено в край. Так еще и этот фронт остался вместе с красавицами! Ну ничего, завтра он распишет его так, что красавцем его назовет лишь самый отъявленный льстец. Жаль только, что вызов пришлось бросать самому. Теперь выбор оружия и условий на стороне соперника. Но Михаил уже попросил своего секунданта, чтобы тот настаивал на саблях. Его он нашел быстро. Даже искать не пришлось – один мужчина сам подошел к Михаилу и предложил свои услуги. И парень не видел смысла отказываться, все равно друзей и знакомых у него в городе нет.

– Утро нас рассудит, – мрачно прошептал под нос юноша, с раздражением и ненавистью вспоминая соперника.

По возвращению поговорить с Зубовым не удалось. Владимир Михайлович остался ждать тетю, а меня в сон сильно клонило. Предыдущая полу бессонная ночь сказалась. Поэтому разговор у нас состоялся только утром за завтраком.

– Интересные мысли, – протянул мужчина, когда я изложил ему все свои размышления по поводу произошедших событий. – А кто секунданты у вас?

– Мой – Вячеслав Сокольников. А кто у противника, я пока не знаю. Когда он представлялся, я отвлекся, и спать хотелось сильно, а в лицо он мне незнаком.

– Как хоть зовут твоего визави?

Я лишь потупился от стыда. Так и не узнал его имени. Дядя на это лишь понятиливо усмехнулся.

– Эх, молодость, – покачал он головой. – Сначала делаете, а потом думаете. Но понимаю, сам таким был. Так тебя заменить?

– Нет, – покачал я головой. – Если нацелились на вас, то не будем давать нашим врагам такой шанс. Если на меня – неважно по какой причине, то и отвечать я буду сам.

– Похвальное рвение, но все же, я сначала послушаю секундантов. У меня есть право тебя заменить. Без твоего согласия, – с нажимом в голосе добавил он. – И уж прости, но если я сочту нужным это сделать, то так и поступлю.

Мне решение Владимира Михайловича не нравилось. Словно я еще больше увеличивал долг перед ним. Но и спорить сейчас не было смысла.

Секунданты прибыли к девяти утра. И почему-то я почти не удивился, когда все же услышал имя секунданта моего оппонента – капитан-исправник Губин Василий Емельянович.

– Здравствуйте, господа, – улыбнулся он нам.

Рассевшись в гостинном зале, мы приступили к обговариванию условий предстоящей дуэли.

– Я представляю господина Вронского Михаила Карловича, – начал полицейский. – Михаил Карлович предлагает дуэль на саблях до первой крови.

– Выбор оружия за нашей стороной, – нахмурился Вячеслав и покосился на меня.

Мне сабли не нравились. Хотя бы тем, что я ими владеть не умею абсолютно. И если противник настаивает на них, то скорее всего имеет явное преимущество. Тогда исход дуэли можно считать предрешенным. С другой стороны, если это все же попытка моего убийства или Владимира Михайловича, то слова Губина могут быть манипуляцией. Как раз чтобы мы так подумали и выбрали пистолы. Пуля, как известно, дура. Она ведь может и не ранить, а убить. И все будет в рамках закона, так еще и подкопаться будет сложно – ведь противник настаивал как раз на саблях. Но с пистолками у меня есть хотя бы призрачный шанс, хоть из них я тоже не стрелял.

– Я пожалуй выберу все же пистолы, – сказал я, так как все ждали моего ответа.

– Также я напоминаю всем участникам, что вы, господин Винокуров, еще несовершеннолетний, – продолжил Губин. – И потому вопрос – вы будете выставять за себя замену?

И он тут же покосился на Зубова.

– Нет.

– Вы согласны с этим решением? – спросил он уже напря-
мую у Владимира Михайловича.

– Не согласен, – покачал головой мужчина, заставив меня заскрежетать зубами. Вот не хотел я подставлять его! Раз уж так все вышло, то и отвечать должен сам. Тем временем Зубов посмотрел на меня и продолжил. – Однако раз Роман решил никого не просить о замене, то я не буду ущемлять его честь и достоинство.

Я не сдержался от облегченного выдоха. Да, дуэль – опасная штука. На ней и помереть можно, пример Пушкина очень показателен. Но подставлять под пули другого человека, да еще близкого мне, я хотел еще меньше, чем рисковать собой.

– Что ж, – протянул Губин, – тогда зафиксируем в протоколе – дуэль состоится сегодня в одиннадцать часов. Место – предлагаю набережную нашего города.

Тут возражений не последовало.

– Дуэль на пистолях до первой крови, – продолжил капитан. – Как стреляться будете? Одновременно или по очереди? С места или на ходу? Жду ваших предложений. Я их передам дуэлянту, после чего занесем все в протокол.

Тут уже слово взял Вячеслав. В итоге наше предложение – стрельба с места по очереди. Первый выстрел за мной, таково было мое условие. Если я попаду, то на этом все и завершится. Если нет... не будем думать о плохом.

Сами пистолы вызвался предоставить Владимир Михайлович. Губин на это промолчал, не отвергая, но и не давая пока что согласия. С чем и покинул нас. Когда он ушел, я спросил, кто как думает – согласится ли Вронский на наши условия.

– А у него выбора нет, – мрачно обронил Владимир Михайлович. – Ты вызвал его на дуэль, и как оскорбленная сторона имеешь право выбора оружия, рода дуэли и прочих условий. Он может или извиниться, и тогда дуэли не будет, или отказаться, и тогда для него это будет урон чести и достоинства, или же принять все безоговорочно.

Как и говорил Зубов, Вронский согласился на мои условия. Хотя когда мы прибыли на берег, выглядел он недовольным. Единственное, он предложил дуэль на личном оружии, вот только у меня такого не было, поэтому ему пришлось все же принять предложение Владимира Михайловича. Так что перед нами сейчас лежало две пары дуэльных пистолей. Одну принесли мы, а вторую добыл где-то Василий Емельянович. Тоже одно из правил дуэльного кодекса – привезти две пары пистолей, из которых мы сейчас и выберем одну для поединка по жребию. Жребий пал на «наши» пистолы. От чего скривился уже Губин, хоть и еле заметно, стараясь не показать своих чувств. Дальше уже Михаил подошел к оружию и первым выбрал пистоль. Опять же – это было уже его право. Я забрал оставшийся пистолет.

Расстояние между нами определили в сорок шагов. Ко-

гда мы зарядили оружие, Вячеслав задал нам ритуальный вопрос:

– Желают ли стороны примирения?

Не получив положительного ответа, он дал нам отмашку и мы разошлись.

– Господа, – сильным поставленным голосом начал Губин. – Вы готовы? Господин Винокуров?

– Готов.

– Господин Вронский?

– Всегда готов, – усмехнулся тот.

– Тогда – к бою!

Глава 2

11 августа 1859 года

– Тогда – к бою! – прозвучала команда от Василия Емельяновича.

Медлить я не стал. Ситуация была нервной и чем ближе подходил момент стрельбы, тем сильнее меня потряхивало. Я понимал, что если промедлю, то руки вообще от нервов могут начать ходуном ходить, и тогда точно промажу.

– Бах! – разорвал тишину звук выстрела.

– Тц! – скривился от боли Вронский, схватившись за правую руку.

Я попал ему в плечо. Примерно туда и целился, и очень удивлен, что не промазал. Пуля прошла по касательной, порвав его одежду и оставив кровавую борозду. Рана не опасная, но стрелять правой рукой он уже не сможет. Но в его взгляде промелькнула решимость, и он переложил пистолет в левую руку.

– Дуэль окончена! – внезапно подошел Губин, придерживая руку Михаила.

– Вы нарушаете правила! – к моему удивлению вскинулся Вронский. – У меня есть минута на ответный выстрел!

– По условиям ваша дуэль длится до первой крови, – возразил капитан. – Будьте добры придерживаться этого.

Тут по взмаху Василия Емельяновича подошел врач, ко-

торый прибыл вместе с Губиным и все это время держался на расстоянии. Губин что-то шепнул Вронскому на ухо, заставив того скривиться еще сильнее, но после слов капитана противиться Михаил больше не стал.

– Победитель – Роман Винокуров, – подвел итог, взявший на себя роль судьи, Губин.

Слава, который до этого стоял в стороне и напряжено следил за ходом поединка, тут же подскочил ко мне.

– Поздравляю! – с радостью в голосе сказал он. – Скажи, а где ты так метко стрелять научился? Я же видел, что ты не хотел его убивать. И выстрелил так быстро, почти не целясь!

– Боюсь тебя разочаровать, но нигде. Мне просто повезло, – пожал я плечами.

– Значит, бог на твоей стороне, – не унывал от моего ответа парень. – Слушай, я начал тоже обливаниями заниматься. Но ты ведь еще и упражнения какие-то делаешь? Мы с тобой не виделись все-то пару недель, а тебя уже не узнать – словно чуть больше стал. Не поделишься секретом?

Ну так-то он прав. Мои ежедневные тренировки дают результат. Я уже не тот задохлик, каким был пару месяцев назад. Не качок, но оголяться не стыдно – и пресс появился, и мускулатура. Да и подрасти успел и в плечах слегка раздаться. По отдельности все – мелочь, а все вместе уже дает такой эффект, что кто-нибудь из прошлых знакомых Романа меня могут и не узнать.

– Не вижу причин что-то скрывать, – улыбнулся я ему. –

Приезжай в гости, на практике все покажу. Только пока не могу сказать, когда я домой вернусь. Дел в ближайшее время много. Но думаю, через недельку освобожусь.

– Обязательно воспользуюсь твоим предложением, – пожал он мне руку.

Я уже хотел уходить, когда меня задержал Василий Емельянович, попросив о разговоре. Что он от меня хотел, я не до конца понимал, а потому заранее готовился к не самому приятному разговору. И оказался прав.

– Скажите, Роман Сергеевич, а вы знаете, что по закону за дуэль положена каторга? – начал он, с интересом наблюдая за моей реакцией.

Надо признаться, этого я совершенно не знал. Увидев мое вытянувшееся лицо, капитан-исправник продолжил.

– Вижу, вы или забыли о таком «незначительном» моменте, или же просто проигнорировали. А ведь вы теперь преступник, – бросил он словно невзначай.

– Но ведь и вы меня не остановили, – тут же заметил я. – Будь все столь серьезно, вы обязаны были тут же, как узнали, задержать меня и уж точно не участвовать лично во всем этом. Вы тогда – соучастник.

– Наш государь-император, как и его предки, крайне негативно относится к дуэлям, – продолжил Губин, проигнорировав мое замечание. – Ведь из-за них империя теряет лучший цвет своей нации. Однако... все мы понимаем, что бывают ситуации, когда по-другому отстоять свою честь просто

невозможно. Как бы государь не старался, искоренить дуэли невозможно. Поэтому на них закрывают глаза, если дело не приняло скверный оборот.

– Что вы имеете в виду?

– Смерть или серьезное увечье одного из дуэлянтов – вот повод открыть уголовное дело, – ответил Василий Емельянович. И тут же показал, что мой комментарий он все же услышал. – Я сам дворянин, и если бы арестовал вас с Вронским – настроил против себя весь свет нашего города. Несмотря на то, что по закону был бы прав, руки бы мне потом не подали. И как известно – не можешь предотвратить – возглавь. Вы говорите, что я соучастник. Формально – вы правы. Но не сомневайтесь, если бы ваша дуэль закончилась плачевно, я бы не постеснялся арестовать всех участников. Что же касается меня – то я бы нашел доказательства того, что всячески противился вашей дуэли. И потом на суде меня или оправдали бы, или самое тяжелое – просто сняли с должности.

– Вот как? – хмыкнул я. – И какие же аргументы вы бы привели?

– Для начала – как секундант я настаивал на вашем примирении. То смогут засвидетельствовать все. Когда вы оба отказались, я настаивал на выборе сабель. Михаил Карлович – мастер фехтования в отличие от вас. Дуэль шла до первой крови. Нет никаких сомнений, что если бы вы согласились на предложенный вариант, то отделались бы всего лишь неопасной царапиной. Да, проиграли бы, но остались живы и

без серьезных увечий. То, что нужно императору и при этом не идет в разрез с моралью нашего общества. И третий аргумент – в предложенной мной паре пистолей была сниженная навеска пороха. Сила выстрела с учетом расстояния была бы такова, что при попадании в любую часть тела, кроме головы, не принесла бы серьезных травм. Свидетельство об этом у меня есть – навеску делал опытный оружейник. Как видите – я всеми силами старался выполнить пусть не букву, но дух императорского запрета на дуэли. Суд бы это учел, ведь там тоже заседают благородные люди, которые все прекрасно понимают.

– Вы же не просто так мне сейчас все это говорите? – по-мрачневу, спросил я. – К чему вы ведете?

Василий Емельянович удовлетворенно кивнул.

– Рад, что вы все понимаете, Роман Сергеевич. Мое предложение простое – я закрываю глаза на вашу дуэль. Молодость, обостренное чувство справедливости. Все всё понимают. А вы взамен – отзываете свои показания против князя Белова. И свою бывшую служанку тоже уговорите забрать заявление. Если же вы отказываетесь – то я завожу дело о нарушении закона по свершенной дуэли. Я же не просто так вам расписывал, почему для меня оно не опасно. Зато уж поверьте мне, если я заведу дело, то постараюсь выставить вас в самом негативном свете. Что вы не просто защищали свою честь, а собирались намеренно убить Михаила Вронского.

– Кто же поверит в такую чушь? – усмехнулся я.

Но по спине у меня все равно пробежал холодок.

– Чушь? – вскинул бровь Губин. – Отнюдь. Смотрите сами – все слышали, что Михаил Карлович первым потребовал от вас извинений и посчитал себя оскорбленным. Однако на дуэль вас не вызывал. Вы же перевернули ситуацию и сделали это. Второй момент – ваш отказ от боя на саблях, при котором порез получить проще, чем колотую смертельную рану. Третий – условия дуэли, по которым вы делаете выстрел первым, а не стреляете одновременно. Четвертый – ваше попадание в руку противника. Это ведь можно трактовать и как вашу попытку целиться в голову, просто неудачную. Славы меткого стрелка у вас нет. Дистанция вполне себе приличная, чтобы пуля отклонилась. Да и божий промысел никто не отменял. Не повезло вам, вот и не удалось убить соперника.

– Вы упускаете главную деталь – зачем мне убивать господина Вронского? – заметил я, а в мыслях прокручивал слова капитана.

Черт, если их подать под таким углом, то вполне возможно «натянуть сову на глобус» и выставить меня неудачным киллером.

– Ревность, – пожал тем временем плечами Василий Емельянович. – Обычная мужская ревность. Господин Вронский – мужчина для дам довольно привлекательный. Старше вас, опять же, что дамами ценится выше, чем столь юный возраст, как ваш. А вы с двумя красавицами стояли, из-за ко-

торых и началось все. Мотив даже искать не нужно – все на поверхности. Так что подумайте, Роман Сергеевич – хотите вы на каторгу или сумеете пересилить свой негатив к князю. Время у вас – до вечера.

Губин ушел, оставив меня в тяжелых раздумьях. Все облегчение от удачно прошедшей дуэли улетучилось разом. Взамен появилось чувство раздражения, злости на Белова и самого капитана, и страха перед ставшим таким туманным будущим.

Василий Емельянович был доволен. Как он и думал, Григорий Александрович не смог долго протянуть в арестной комнате и пошел на сделку. Всего полдня хватило, чтобы князь сломался и из строптивца стал полностью покладистым. В итоге на руках Губина уже вчера до похода в театр была бумага о владении одной деревней со всеми землями, что находились в ведении крестьян этой деревни. Правда земель самому Губину князь не отписал даже клочка. Но мужчина не расстраивался. Будет брать с полученных крепостных не барщину, а оброк – делов-то. К тому же его статус даже с таким мизерным владением резко повышался с безземельного дворянина до помещика. И случайно ли, или нарочно, но Белов отписал Губину ту деревню, что граничила с землями Винокуровых. Капитан склонялся к тому, что Белов сделал это специально. Поставить между собой и недоброжелательно настроенным родом «буфер» в виде Губина, к

тому же обязанным лично князю – хорошая идея. Ведь Василий Емельянович не уточнял, какую именно деревню он хочет во владение.

Как бы то ни было, но в театр Губин вчера прибыл не просто так. Он хотел собрать информацию – о настроениях в обществе, как ситуацию подадут свету сами Винокуровы, ну и пообщаться с теми, кто симпатизировал князю, а не его оппонентам. Неожиданная дуэль стала для капитана буквально подарком судьбы. Он не мог упустить такой случай. Потому и перехватил Вронского до того, как парень успел найти себе секунданта. Вторым подарком стало то, что Михаил был не местным. С мнением самого Вронского можно было почти не считаться. Главное – провести грамотную подготовку, чтобы у молодого Винокурова не осталось иного выбора, как пойти на условия Василия Емельяновича. И вот – все получилось почти по плану. Была у капитана опаска, что на дуэли может кто-то серьезно пострадать. Он не врал Роману, тогда бы замять дело не получилось. И сам Губин пострадал бы не меньше участников, а его положение капитана-исправника лишь усугубило бы участь мужчины. Но сейчас все в прошлом. Теперь осталось лишь дать «помариноваться» самому Роману. Жаль, что не в застенках полицейского участка. Как показывает опыт Губина, это место лучше любых иных позволяет склонить строптивцев к сотрудничеству. Но и так получилось неплохо.

Настя не могла найти себе места с самого утра. Она и ночь спала очень плохо. Все не отпускало чувство вины и переживаний за Романа. Как он там сейчас? Волнуется перед дуэлью или нет? А если он пострадает? Или и вовсе – погибнет? А еще она злилась на сестру. Ну почему Анна не могла в тот день не начинать разговор с этим франтом, а пройти мимо? И Роман ведь ей не интересен так, как самой Насте. Так почему она не могла тогда уже в театре отвести этого франта в сторону, оставив Романа ей? Вот всегда Ане хочется быть первой и все контролировать! Особенно, что касалось ее, Насти.

Утром девушка не выдержала и, собравшись, решительно пошла к Зубовым. Отец пытался ее остановить, но Настя не хотела никого слушать. Даже папу, а уж про Анну и говорить нечего. В итоге сестра все же догнала ее и шла рядом. Хоть помалкивала, за что Настя была ей благодарна.

В усадьбу Зубовых они пришли поздно – Роман уже отправился на дуэль.

– Подождите у нас, – предложила Софья Александровна. – Уверена, скоро он вернется.

Говорить, где проходит дуэль, она категорически отказалась, и девушкам не оставалось ничего иного, как смириться и делать вид, что они спокойны, ведя беседу с Софьей Александровной и Ольгой Алексеевной. Настя лишь заметила, что мама Романа тоже на взводе, хоть и старается это скрыть. И получается у нее это лучше, чем у самой девушки.

– Идут, – вошел в гостиную слуга Зубовых Архип и предупредил о возвращении Романа, как того и требовала Софья Александровна.

Всего одно слово, но для Насти оно значило в этот момент очень многое. И облегчение – что Роман жив, и усилившаяся тревога – а вдруг он получил ранение, и радость от окончившегося ожидания. Девушка сама не заметила, как первой оказалась у двери и выбежала за порог. Роман шел от калитки к усадьбе спокойным шагом.

– Живой! – выдохнула Настя и сбежала по ступенькам вниз.

После чего подбежала к опешившему парню и поцеловала его, стиснув в своих объятиях. В этом поцелуе Настя выплеснула весь накопившийся стресс от ожидания и радость встречи. Она сама не ожидала от себя таких чувств, и лишь спустя несколько секунд до затуманенного сознания Насти дошло, как это все выглядит со стороны. Тут же она отстранилась и резко отвернулась от парня, пряча покрасневшее от стыда лицо в ладонях.

Да уж, неожиданная, но приятная встреча. Я с удивлением смотрел на девушку, что только что меня целовала. В дверях усадьбы стояли мама с тетей. На лицах обеих – облегчение и добрая усмешка. За их спинами виднеется головка второй сестры. Если я не ошибаюсь, то это Анна ехидно выглядывает. Получается, меня Настя целовала.

– Проходи внутрь, – разорвала секундное молчание тетя, – там все расскажешь, как прошло.

Через несколько минут мы уже сидели в креслах в гостиной. Настя кидала на меня плохо читаемые взгляды. То ли была недовольна собой, то ли мной, но на лице у нее было хмурое выражение, а губы досадливо поджаты. При этом периодически взгляд менялся, становясь мечтательным, а следом – затаенная улыбка, облегчение и вновь – поджатые губы и сдвинутые бровки.

Мой рассказ о дуэли не затянулся надолго. Да и что там рассказывать-то? А вот разговор с Губиным я предпочел бы обсудить без присутствия близняшек. Поэтому сослался на легкую усталость, что было воспринято с пониманием. А когда зашел в свою комнату – вызвал слугу Зубовых и попросил позвать мою маму, но так чтобы гости этого не поняли.

– Что-то случилось? – спросила она, зайдя ко мне спустя немного времени.

– Да. Есть один серьезный разговор.

– Не для чужих ушей, – с пониманием кивнула она и присела на стул.

Я уселся на кровати и, постаравшись в деталях вспомнить все, что мне говорил капитан-исправник, пересказал ей наш диалог.

– Соглашайся, – подумав несколько минут, заявила она.

– Ты уверена?

– Да, – тут она вздохнула, прикрыв глаза, а когда открыла

– в них уже была твердая воля и уверенность в своей правоте. – Такой закон действительно есть. На него в целом закрывают глаза, но все «громкие» дуэли не остаются без последствий.

– Под «громкими» ты подразумеваешь – со смертельным исходом?

– Не только. Если бы вы были известными людьми у всей империи на слуху, то на дуэль император просто не смог бы закрыть глаза. Хорошо, что это не так. Тебе придется согласиться, иначе свободу ты потеряешь. Уверена, Василий Емельянович постарается и обществу объяснить все в «правильном» свете, чтобы к нему не было вопросов. И про себя не забыл, тут он тебе все верно расписал.

– И князь выйдет сухим из воды? – негодовал я. – Неужели нет иного варианта?

– А что тут сделаешь? – пожала плечами мама.

Ну да, для нее важнее моя свобода. На Пелагею ей плевать, если Белов снова к ней «подкатит» – она даже не почешется. Буду девушку снова защищать, точно укрепится слух, что она на меня влияние имеет и является моей «ахиллесовой пятой». Что касается того, что князь нам лесопилку сжег – то это надо еще доказать. А главный свидетель и исполнитель – в подчинении у него! Стоит князю выйти, и Тихону конец. Мало того, что он оборвет все нити, ведущие к нему по делу поджога, так я ведь и слово нарушу – обещал же парню защиту.

– Ладно, я услышал тебя, – медленно кивнул маме.

– Только пожалуйста, Роман, без глупостей, – нахмурилась она. – Пожалей мои нервы. Я итак испереживалась, пока тебя ждала. Обещай, что согласишься на предложение капитана.

– Я не буду делать глупостей. Это могу тебе обещать.

Видя мой упрямый взгляд, она вздохнула и, поцеловав меня в макушку, ушла. Знает уже, что переубедить меня сложно.

А вечером до прихода Губина о том же я перемолвился с тетей и Владимиром Михайловичем. И если Зубов лишь подтвердил слова мамы, что капитан «держит меня на коротком поводке», то вот тетя был с ним не столь согласна.

– Конечно, – говорила она, – у Василия Емельяновича сильная карта. Но не настолько, чтобы он мог крутить тобой как захочет. Грубо говоря, он пытается тебя убедить, что у него в руке туз, когда там лишь дама.

– О чем ты, Софья? – нахмурилась мама, которая тоже присутствовала при разговоре.

– Что в эту игру можно играть и «вдвоем», – хмыкнула тетя. – Вопрос лишь в том – не испугается ли Роман.

– Я вас слушаю, – тут же наострил я уши.

Если есть хоть какой-то шанс щелкнуть по носу и капитана и князя – я уж постараюсь им воспользоваться.

– Тебе придется рискнуть, – пожала плечами тетя, – и тоже

повысить ставки. К сожалению, совсем отказаться от сделки не выйдет. Да оно и не нужно. Но ведь можно потребовать что-то и себе взамен.

– Не ходи кругами, – продолжала хмуриться мама. – Что за туманные намеки?

– Смотрите, как будет выглядеть со стороны, если Роман сейчас согласится на сделку. Только что он грозился посадить Григория Александровича, раздул из этого громкий скандал, а затем сам сел в лужу. И опытный в интригах и умудренный жизнью князь его переиграл, воспользовавшись его ошибкой. К тому же мы уже рассказали всем о «главной причине» такого поведения Романа – необоснованный поджог лесопилки. Я же предлагаю, чтобы Рома добавил к соглашению пункт о выплате компенсации за поджог. Или князь заплатит, или Роману не интересна сделка. Учитывая положение князя – думаю, он может согласиться. Лучше потерять деньги, чем все. Но до конца я не уверена – мало ли, какие мысли у него ходят. Да и как сам Василий Емельянович поступит – неизвестно. Потому и говорю про риск. Но если князь согласится, то Роман уже не будет выглядеть вспыльчивым и глупым юнцом, – тут она посмотрела на меня. – Подумай, что сказать капитану. Это твоя жизнь и твое решение.

Мысль, что на сделку все же идти придется и Белов окажется на свободе, хорошего настроения мне не добавила. Зато вариант тети был однозначно лучше, чем ультиматум Губина. Ведь иначе меня ждет тюрьма, и все планы полетят к

чертям. Как и хорошая жизнь. Отказываться от нее я не собирался.

Василий Емельянович прибыл к ужину. Поздоровавшись со всеми, он с вопросом посмотрел на меня. Но не обсуждать же дела у всех на виду? Этого и сам капитан не хотел, да и я привык все же сам решать свои проблемы. Посоветоваться могу, но ответственность за свои поступки перекладывать на других – нет уж. В итоге мы прошли в выделенную мне комнату, где расселись на стулья.

– Итак, что же вы решили? Сделка или... – не стал заканчивать предложение Губин. Как и долго трепаться – сразу перешел к делу.

– Я готов к сделке, но с рядом условий.

– Вот как? И каких же? – казалось, он совсем не удивился. Но в его тоне слышалась насмешка, словно взрослый готов выслушать ребенка, чтобы потом его «обломать».

– Князь Белов обязан выплатить моему роду восемь тысяч рублей ассигнациями – во столько была оценена сожженная по его приказу лесопилка. И второе – он обязан передать мне дарственную на своего крепостного – Тихона, исполнителя его приказа. Тогда я заберу свое заявление и девушка тоже. И просьба устно передать ему – новое покушение на честь девушки не будет мной проигнорировано, и я найду, чем вновь прижать его к стенке.

– Вы думаете, Григорий Александрович пойдет на это? –

скучающим тоном спросил мужчина.

– У него выбора нет. Или так – или он потеряет все.

– Он может отказаться, и тогда вы тоже потеряете все.

– Лишь свободу, – покачал я головой.

– Дворянства вы тоже лишитесь, – все тем же тоном продолжил Василий Емельянович.

– Насколько я успел узнать – наказание за дуэли всегда выносилось гораздо мягче, чем сказано в законе. И уж поверьте – до слуха судьи дойдет информация, что это князь не пошел на сделку и какую роль вы сыграли в посредничестве между нами. Тогда и вы не отделаетесь «легким испугом». Чина точно лишитесь, и это самое малое. И уж *мою* версию вашего участия как в дуэли, так и в покровительстве банде князя суд тоже услышит.

– Вы мне угрожаете? – нахмурился Губин. И тон у него стал более тяжелым, а рука машинально потянулась к тому месту, где обычно висит сабля.

– Предупреждаю – успех нашей с князем сделки и в ваших интересах, – спокойно ответил я. – Передайте ему мои условия. Они окончательные и менять их я не собираюсь. На этом у меня все.

Я встал, показывая, что разговор окончен. Капитан встал в ответ. Помолчал немного, сверля меня тяжелым взглядом, но так ничего и не сказав, покинул комнату. Что ж, теперь осталось лишь ждать.

Глава 3

11 – 12 августа 1859 года

– Что-то вы задержались, – заметил Петр Егорович, когда его дочери зашли в съемные комнаты.

– Насте было *очень* интересно, как себя чувствует Роман, – с сарказмом и толикой зависти в голосе сказала Анна. – Она настолько расчувствовалась, когда его увидела, что не постеснялась броситься к нему на шею у всех на глазах и поцеловать.

Мужчина замер на мгновение от таких слов. Он не мог поверить, что его дочь настолько нарушила правила приличия. А ведь пока что Роман для нее – никто. Даже не жених.

– Это правда? – переспросил он Настю, вперив строгий взгляд.

Девушка поежилась, но кивнула. Офицер медленно закрыл глаза, словно мысленно молился богу – за что ему досталась столь легкомысленная дочь. После чего выдохнул и открыл их.

– Я поговорю с Винокуровым. И запомни, Анастасия, если он ничего к тебе не испытывает, ты забудешь про него. И больше не позволишь себе настолько... откровенно проявлять своих чувств. Особенно на людях.

– Да, папенька, – тихо прошептала Настя.

Ей даже не верилось, что разговор с отцом прошел так

легко и гладко. Анна вон тоже была в легком шоке и ступоре. И усиленно теперь пересматривала свое поведение и рамки дозволенного, это по ее напряженному лицу было заметно. Настолько, что не укрылось и от внимания Петра Егоровича.

– Анна, предупреждаю – если ты выкинешь что-то подобное, с тебя спрос будет сильнее. И с Настей я еще не закончил. Если Роман откажет ей в чувствах, то больше она с ним видаться не будет.

Посчитав, что тема закрыта, мужчина перешел уже к вопросам – чем закончилась дуэль и какие последствия ждут самого парня. Будут ли они вообще. Все-таки он не забывал, что официально дуэли запрещены. Однако мало ли, какой вес имеет род Винокуровых в Дубовке. Вполне возможно, что им такое может и сойти с рук. Тогда желание породниться с ними только возрастет. Потому что возможность защитить свою честь в поединке, без оглядки на запрет императора, мужчина ценил и всячески одобрял.

– Что-то ты не торопился, – с недовольством, пряча за язвительностью свой страх, заявил Григорий Александрович, когда Губин зашел к нему в арестную комнату.

– Резонанс от дела вышел знатный, молодой Винокуров был настроен очень решительно. Но мне удалось достигнуть положительного результата, – улыбнулся Василий Емельянович.

– И когда я уже покину стены этого заведения? – спросил

князь, но внутри испытал знатное облегчение.

– Есть несколько нюансов, – с показной грустью вздохнул капитан.

Это заставило Белова вновь напрячься.

– Какие еще «нюансы»? Василий, ты уже получишь то, что потребовал! Теперь ты обязан меня вытащить отсюда!

– Ну-у, – протянул мужчина, – конечно вы, Григорий Александрович, выполнили свою часть. Но решили отделаться самым малым, да еще с выгодой для себя, – намекнул Губин на расположение отписанной ему деревни. – Потому не удивляйтесь, что я сделал также.

– К чему ты ведешь?

– Свет был на вашей стороне в самом начале, когда вы только попали сюда, – начал Губин. – И чтобы переломить мнение общества, Винокуровы изрядно постарались опорочить ваше имя. В частности – описали вас как бешеную собаку, что кидается без причины...

– Мерзавцы! – вскочил с кушетки от ярости князь. – Ну, я им устрою!

– Дослушайте, – холодным тоном оборвал его Василий Емельянович. Нехотя князь уселся на место. – Так вот – они выставили вас «бешеной собакой», обвинив в беспричинном поджоге их лесопилки. Теперь весь свет считает, что Винокуровы просто воспользовались удачно подвернувшемся поводом обвинить вас в изнасиловании, чтобы отомстить за поджог. Кто-то даже говорит, что они специально подсунули вам

ту девку. Потому забирать заявление «просто так» – не в интересах Винокуровых. Это ударит по их репутации. Но они согласны это сделать, если вы оплатите стоимость сожженной лесопилки. По их словам, банк уже провел ее оценку.

– Сумма? – мрачно спросил Белов.

– Восемь тысяч, – лицо князя пошло красными пятнами от гнева. – Ассигнациями, – добавил Губин.

– Да они сдурели, что ли? – снова вскочил он с кушетки. – Шиш они от меня получат, а не деньги!

– Успокойтесь, – снова пришлось капитану осаживать разошедшегося князя. – Это еще не все.

– Что еще хотят эти мошенники? – фыркнул старик.

– Дарственную на крепостного, который сжег их лесопилку. И на словах уже лично Роман просил вам передать, что любая новая попытка причинить вред той девке выйдет вам боком. Как получилось в этот раз.

– С. ченыш, – прошипел змеей Белов. – Он мне еще и угрожать вздумал?!

– У него более выигрышное положение, – пожал плечами Василий Емельянович.

Рассказывать, что «уговорил» Винокуровых пойти на сделку шантажом, капитан счел глупостью. С Григория Александровича станется упереться рогом и отказаться от сделки, пока из нее не уберут «нюансов», как выразился мужчина. Тогда Василию или и впрямь придется заводить дело о дуэли, с риском непредвиденных последствий уже для

себя лично, или же отступить, предав по сути уже князя. Что тоже не самый лучший вариант – Белов не постесняется тогда написать заявление, что деревню у него выбили силой и ничего хорошего тогда Губина не ждет. Сейчас заточение князя под арестом было благом для капитана. Благодаря тому, что он был отрезан от общества, можно было крутить им как угодно, скармливая лишь нужные самому Василию сведения. Ну а когда Григорий Александрович выйдет на свободу, то назад все вернуть будет практически невозможно.

– Где я ему восемь тыщ найду? – в сердцах воскликнул князь.

Однако последние слова капитана все же немного охладили его пыл.

– Или потерять деньги, или потерять все, – напомнил ему Василий Емельянович. – Находясь здесь, вы ничего не делаете. Но вернувшись в общество, вы не только сохраните свое имя, но и получите возможность действовать. Например, объясните свету, почему решились на поджог. Или сумеете убедить всех, что Винокуровы вас нагло оболгали. Из этой комнаты, – показательно оглянулся мужчина, – это сделать сложно, сами должны понять. Но если вам так понравилось местное гостеприимство, что вы готовы и дальше им пользоваться... – ехидно протянул Василий Емельянович.

– Не говорите ерунды, – огрызнулся Белов.

– Так что мне сказать Винокуровым? – встал с кушетки капитан, всем своим видом показывая, что пора принимать

решение.

– Мне нужно время, чтобы подумать.

– Боюсь, у вас его нет, – покачал головой Губин. – Если все не решите сегодня, уже завтра вас переведут в тюремный замок в Царицыне. А там уже начальник не я. Это должны были сделать еще сегодня. Я итак затянул процедуру, как мог, но я не всемогущ.

– Черт! – сжал от злости и безысходности зубы князь. – Хорошо! Передайте им, что я согласен!

Василий Емельянович кивнул, стараясь подавить довольную улыбку, что лезла на его лицо.

– Я тогда договорюсь о стряпчем. Сомневаюсь, что Винокуровы поверят вам на слово, поэтому напишите расписку. В которой и укажете, в какой срок сможете выплатить им всю сумму.

Старик лишь ожег капитана ненавидящим взглядом, словно тот виноват во всех его бедах, но промолчал. Выбора ему не оставили.

Перед сном у меня состоялся серьезный разговор с мамой. И темой стал не визит капитана, а мое отношение к сестрам Скородубовым.

– Роман, скажи мне, как ты относишься к Анне с Анастасией? Они тебе нравятся?

Лицо сосредоточенное, губы поджаты – видно, что для мамы мой ответ крайне важен. И даже понятно, с чего она сей-

час об этом заговорила. После выходки Насти иного и быть не могло. Я невольно вспомнил тот неожиданный поцелуй. А губы у девушки мягкие и нежные. Да и когда она прижималась ко мне, если бы я не был ошарашен ее напором, то мог и сам в ответ покрепче ее прижать.

– Они красивые, – не стал я отрицать. – И какого-то неприятия к ним у меня нет.

– А кто тебе из их больше нравится? – продолжила мама расспрос, пока что не высказывая своих мыслей.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Ты намекаешь на то, что мне нужно выбрать? – спросил я ее в лоб.

– Сначала пожалуйста поделись своими мыслями, – мягко ушла от ответа она.

– Хорошо. Анна – более «боевая», что ли? Это и плюс и минус. Если мы сойдемся, то она не будет теряться при выходе в свет, но как она себя будет вести дома – не знаю. Мне кажется, что постарается тянуть «одеяло на себя». Анастасия в этом плане ее противоположность. Она чем-то на Валентину по характеру похожа. Вот только в последние дни Анастасия вела странно. Словно старалась выйти из тени сестры. И если это так, то без Анны она может открыться с неожиданной стороны. Какой – только время покажет.

– То есть, ты все же рассматриваешь их как своих потенциальных невест? – с удовлетворением констатировала мама.

– Я подумал, что тебя именно такие мои мысли интересу-

ют, – усмехнулся я в ответ.

– Ты же понимаешь, что после дуэли и этого порыва Анастасии все усложнилось? – удивила меня мама. И тут же пояснила свою мысль. – Драться на дуэли ради случайной девушки – ребячество. Тем самым ты показываешь себя юнцом. Но если свет узнает, что одна из девиц – твоя потенциальная невеста и мы были в процессе обсуждения помолвки, то отношение изменится. А уж поцелуй Анастасии... Хорошо, что его видели лишь самые близкие. Поэтому я прошу тебя, сын, определись – ты хочешь взять кого-то из девушек в жены, или нет? На месте отца Анастасии, если он все узнает, я бы потребовала, чтобы ты взял ответственность, либо запретила всякое ваше общение. Подумай над этим.

– Я просто опасаясь, что устроив помолвку, можем потом не сойтись характерами, и разрыв ударит по репутации обеих сторон, – вздохнув, сказал я. – Если с Кристиной Уваровой для меня все было очевидно – там уж точно мы не сойдемся, то с Валентиной меня смущал ее малый возраст и отсутствие общих тем для разговора. С той же Анастасией проблемы возраста нет, да и темы найдутся. Та же моя яхта – она как дочь морского офицера неплохо разбирается в кораблях и способна мне многое подсказать. Да и кругозор у нее шире, чем у Валентины. Да ты и сама это должна была заметить.

– Если тебя тревожит лишь этот вопрос, то не беда, – улыбнулась мама. – Да, разрыв помолвки обычно негативно воспринимается светом, но если он произошел без скандала,

а вы продолжите после него общаться вежливо, как добрые знакомые, то последствия не столь пагубны, как ты себе напридумывал. Хотя конечно совсем уж без последствий даже такой разрыв не пройдет. Но Роман, я не узнаю тебя. Ты готов был пожертвовать своей жизнью на дуэли, и при этом так боишься брака?

– Дуэль была не до смерти, – поморщился я. – А жизнь рядом с человеком, который тебе неинтересен, может стать адом.

– И все же, я настаиваю, чтобы ты уже прекратил свои метания, – нахмурилась мама. – Не давай ложных надежд, если она тебе не по нраву. И будь мужчиной, прими решение в ближайшее время.

Словно вторя маме, на следующий день утром в усадьбу прибыл Петр Егорович для разговора со мной. И тема была ровно та же – мое отношение к Насте.

– Спрошу прямо – что вы, Роман Сергеевич, чувствуете к моей дочери? Есть ли вообще у вас к ней чувства? – повоенному кратко и в лоб задал он вопрос.

– Она мне нравится.

– Можно ли расценивать ваш ответ, как согласие на помолвку? Поймите меня правильно – Анастасия влюблена в вас. Уж как это получилось за несколько дней – я не ведаю. Однако вы задели ее сердце, и у меня нет выбора. Я ее очень люблю и не желаю, чтобы она страдала от безраз-

дельной любви. Если вы не разделяете ее чувств, уж лучше поставить точку прямо сейчас. Уверен, вы не волокита какой-нибудь, чтобы мучать мою дочь. Так что вы скажете?

Он смотрел требовательно, но вместе с тем с затаенной надеждой. Все получилось так, как предсказывала мама. И если бы не наш вчерашний разговор, я бы сейчас был в растерянности. Однако за ночь я успел все обдумать и сейчас мой ответ бы вполне осознанным:

– Я согласен на помолвку... – Петр Егорович облегченно выдохнул. – Однако влюбленность быстро проходит. Чтобы не было недоразумений, сразу оговорюсь – если через год мы с Анастасией придем к выводу, что совершенно не подходим друг к другу, то свадьбы не будет.

Мое заявление не добавило настроения мужчине.

– Разорвете договор? – мрачно переспросил он.

– Если мы разойдемся мирно, то и сильного удара по репутации вашей дочери не будет. Всегда можно найти уважительную причину, если на то будет желание.

– Что ж... – протянул он. – Я вас услышал. И знаете, в чем-то даже рад, что вы осознаете всю серьезность этого решения. Тогда я могу обрадовать Анастасию?

– Да, – кивнул я. – Как это лучше подать обществу, думаю, стоит вам обговорить с моими родителями. Мы же примем ваши рекомендации к действию.

Мужчина ушел поговорить с моей мамой, а я остался в одиночестве с собственными мыслями. Сам еще не верю, что

решился на этот шаг. В будущем у меня серьезных отношений не было. К тому же в отношениях с девушками все было гораздо проще. Сейчас же все более строго. И еще меня не то чтобы пугал, а скорее напрягал один момент. Как-то читал в прошлой жизни, что влюбленность длится чуть меньше трех лет. Потому-то через три года совместных отношений браки проходят серьезную проверку на прочность. Гормоны больше не дают на мозги и люди в один день вдруг «просыпаются» и понимают, что рядом с ними совершенно чужой им человек. Нет общих тем для разговора, нравятся абсолютно разные вещи – фильмы, музыка, даже цвета в одежде. И ничего кроме банальной постели их до этого не связывало. Однако первый «кризис отношений» как раз и наступает через год. Потому я и поставил этот срок для Скородубова. Уж за год можно понять – а интересно ли мне вообще с Настей будет. Для чего по сути и нужна помолвка. Она позволяет больше общаться парню и девушке не нарушая правил приличий. Если через год мы разойдемся, это будет не такой сильный удар по репутации, чем если через три года.

В целом меня почти ничего больше в Дубовке не держало. Пора уже в Царицын ехать на встречу с архитектором. А то уже на целые сутки отложил свой визит из-за истории с князем и дуэли.

Словно вторя моим мыслям, через час, когда я уже собирался отправиться в порт и поговорить с Саввой Глебовичем – как там идут дела с моей яхтой, прибыл капитан Губин.

– Роман Сергеевич, – поприветствовал он меня. – Григорий Александрович согласился на ваши условия. Прошу проехать со мной в участок. Там он оформит расписку, которую заверит стряпчий, а вы сразу заберете свое заявление. Можем по пути и ту девушку взять, чтобы два раза не кататься.

Я мысленно даже вздохнул облегченно и отказываться не стал. Сначала мы заехали к Маргарите Игоревне. Пелагея оказалась у нее, но когда услышала, что князя отпускают, побледнела словно белое полотно. В глазах – ужас, я уж думал, она прямо здесь в обморок упадет.

– Князю будет не до тебя, – принялся я ее успокаивать. – Ему сейчас нужно свою репутацию восстанавливать. Повторная попытка твоего похищения этому никак не поспособствует – наоборот. И я в стороне стоять не буду, если он совсем уж ума лишится. Да и по кошельку мы ему удар нанесем, теперь у него голова будет болеть, как потерянное вернуть.

– Но про меня он не забудет, – прошептала Пелагея, а по ее щекам потекли слезы.

– Забудет или нет – главное, что руки у него будут связаны.

– Х-хорошо, – судорожно вздохнула она. – Если вы просите, то я заберу заявление.

Мне было стыдно и неудобно перед девушкой. Получалось, что я ей нагло воспользовался, хотя изначально-то во-

обще ни о чем подобном не думал. Уже втроем мы доехали до полицейского участка, где нас провели в кабинет пристава, занимающегося делом князя. Кроме самого пристава там же нас уже ждал стряпчий, представившийся Серафимом Евлампиевичем.

– Оставь нас, – приказал Василий Емельянович приставу.

Тот суетливо поправил мундир и тут же покинул собственный кабинет. Пеллагею я предложил присесть на единственный свободный стул для посетителей. Девушка вся дрожала, и лишь мое присутствие не позволяло ей окончательно впасть в панику. Через пару минут привели и самого князя.

Григорий Александрович выглядел неважно. Весь осунувшийся, глаза впалые от недосыпа, а взгляд полон ненависти. В первую очередь в мою сторону, но и на Пеллагею он зыркнул так, что та вся затряслась еще сильнее.

– Принесите два стула, – отдал приказ конвоирам Губин.

Пока их ждали, в кабинете повисло напряженное молчание. Лишь Белов метал молнии, смотря то на меня, то на Пеллагею, то на Губина. Как я заметил, к своему «защитнику» он тоже не питал теплых чувств. А вот это уже интересно. Надо будет запомнить.

Когда принесли стулья и на них уселись князь со стряпчим, то Серафим Евлампиевич перешел к делу. Сам я стоял, так как отдал свой стул девушке, а большее количество в тесный кабинет и не поместилось бы.

– Итак, господа, перейдем к существу вопроса, – деловито начал стряпчий, доставая бумаги.

А Василий Емельянович успел подготовиться. Все документы у Серафима Евлампиевича уже были заполнены, и нам оставалось лишь поставить под ними свою подпись, да вписать срок выплаты компенсации от князя. Сумма тоже уже стояла, так что ее изменить не получится – либо переделывать весь документ.

Скрипя зубами, Белов подписал расписку об обязательстве выплаты моей семье восьми тысяч рублей. Я тут же вписал срок – в течение одного месяца. Это чтобы он сильно не затягивал и на другое не отвлекался. Дальше была дарственная на крепостного Тихона и передача его уже в мое личное владение. Когда все было подписано, Василий Емельянович протянул мне и Пелагее два документа.

– Прошу, заполните их.

В этих бумагах я признавал, что произошла ошибка, и просил изъять мои показания из дела о насилии. Пелагея же писала, что к князю Белову больше претензий не имеет. Точка. За нее бумагу пришлось заполнять мне – Пелагея еще не настолько обучилась грамоте, чтобы сделать это самостоятельно. Но подпись ставила она уже сама. Рука у нее сильно подрагивала, и она каждый миг кидала опасливые взгляды на Григория Александровича. Тот лишь удовлетворенно на это взирал. Для него такая ее реакция была самой естественной и единственно возможной.

– Мы закончили, господа? – уточнил стряпчий и, получив наши кивки, довольно улыбнулся. – Тогда прошу меня простить – дела.

Мы тоже задерживаться не стали и покинули кабинет, в котором остался Василий Емельянович с князем. Фух, надеюсь, Белов не скоро решится на новую пакость.

– Иди домой, – сказал я Пелагее. – И помни – если князь не успокоится, смело говори мне.

– Хорошо, – с грустью в голосе кивнула она.

– Выше нос, – постарался я ее подбодрить. – Все закончилось. А ведь если бы мы не подписали этого соглашения, то тебе пришлось бы перед судом все подробности описывать. И как с тебя одежду срывали и связывали тоже.

Девушка вздрогнула. Это ведь позор – о таком публично рассказывать. И теперь она уже смогла посмотреть на ситуацию по-другому. Прощалась Пелагея уже не столь печальной.

Когда я вернулся в усадьбу, первым делом пошел к маме. Отдал ей бумаги и спросил – поедет ли она со мной, или нет. Все же первоначальная причина ее поездки перестала быть актуальной.

– Останусь, – сказала она. – Лучше тебя здесь подожду. У меня уже не тот возраст, чтобы кататься просто так. А ты, раз уж на помолвку решился, предложи Скородубовым с собой поехать. Заодно и с Анастасией в пути пообщаешься.

Мысль была дельной, и я тут же отправил через слугу записку с предложением о совместной поездке до Царицына. А сам отправился все же в порт – узнать, как там дела с бортиками движутся. А то Савва Глебович молчит еще.

Корабельный мастер встретил меня в доке, где шел текущий ремонт очередной баржи. Я успел до встречи с ним посмотреть на свою яхту – та стояла без всяких изменений, поэтому его следующие слова не стали для меня неожиданно:

– Не нашел я мастера в нашем городе, который взялся бы за столь сложную работу, – развел он огорченно руками. – Уже отписал через знакомых в Царицын, но сколько ответа ждать – не знаю.

Я лишь досадливо цокнул языком. Он заметил это и тут же быстро заговорил:

– Но есть иной вариант. Если вам просто нужно ограждение, то почему бы обычные леера не использовать? Поставим деревянные балясины и натянем леера меж ними?

Термины были мне незнакомы, поэтому я попросил у мастера пояснений. Балясинами, оказалось, называют обычные стойки – деревянные или металлические, как у заборов. И между ними можно протянуть канат или стальной трос – в один или пару рядов. Это в разы проще чем-то, что я хотел видеть на своей яхте. Но мне главное сейчас не ее внешний вид, он меня в целом устраивает, а такие леера его не испор-

тят, а безопасность. Поэтому я согласился.

– Только работы проведем уже после моего возвращения, – добавил я. – Мне в Царицын нужно.

– Тогда я все подготовлю к вашему приезду, – пожал мне руку в знак заключения договоренности Савва Глебович.

Ну, теперь только ответа Скородубовых дожидаться, и можно в путь!

Глава 4

12 – 13 августа 1859 года

Когда я вернулся из порта в усадьбу, ответа Скородубовых даже ждать не пришлось. Они уже были в доме тети и лишь ждали меня. Я мельком посмотрел на сестер. Сейчас только по одной мимике легко можно было догадаться – кто из них кто. У одной на лице вежливая улыбка застыла, а другая прямо светится.

– Роман Сергеевич, – кивнул мне Петр Егорович, – надеюсь, мы не слишком поспешили? Получив ваше предложение о совместной поездке, я решил его принять, и вот – мы здесь.

– Нет, я рад, что вы не стали тянуть, – приветливо кивнул я в ответ. – Итак задержаться пришлось из-за... всех событий. Яхта готова и мы можем отправиться в путь хоть сейчас.

Впрочем, задержаться немного пришлось. Тетя не отпустила нас, пока мы не поели, а мама поделилась, к каким договоренностям по будущей помолвке они пришли со Скородубовым. Ну и как я себя теперь должен вести. Если кратко – то кроме Анастасии ни с кем из дам я теперь не имею права выходить в свет. Исключение – родственники. Общаться мы сможем хоть каждый день, это наоборот покажет серьезность моих намерений. Но оставаться наедине все также нельзя. Во всяком случае – при посещении гостей или мероприя-

тий. Правила приличия требуют, что даже после помолвки мы обязаны вести себя скромно. Никаких поцелуев в присутствии посторонних, как позволила себе Настя. Касания – лишь подержаться за ручку. И еще момент – встречаться-то мы можем хоть каждый день, но преимущественно я должен для этого навещать Скородубовых, а не наоборот. Иных мелочей тоже хватало, и я в какой-то момент прямо спросил у мамы – а в чем получается разница тогда между помолвкой и обычных тесным общением, если столько ограничений?

– Если без помолвки ты зачастишь к девушке в гости, то это может бросить тень на ее честь, – поясняла она. – Могут посчитать ее распутной, а тебя – волокитой. Частые посещения мероприятий с одной и той же пассией, но без официальной помолвки, даст свету понять, что у одной из сторон серьезные намерения, тогда как другая, обычно это касается мужчин, почему-то не спешит официально это озвучить. Это уже может бросить тень на твое имя. Как видишь – на одно и то же действие смотрят совершенно по-разному, с учетом статуса людей и их отношений.

Стало чуть понятнее, но если честно, я рассчитывал на другое. Желание близости никуда не делось, а после того поцелуя даже возросло. И хоть я понимал, что до горизонтальной плоскости с Анастасией у нас до свадьбы вряд ли дойдет, но уж целоваться хотя бы мы сможем. А тут оказалось, что и это табу. Лишь если мы куда-нибудь в укромный уголок зайдем, где нас никто не увидит. Жалко. Зато стало понятнее, с

чего многие помещики грешат связями с крестьянками. Наверняка по молодости так удовлетворяли свою похоть, а когда женились, привычка осталась. Саму дату помолвки назначили через три дня. Все из-за службы Петра Егоровича.

Как бы то ни было, мы все же собрались и отправились в порт. С отчаливанием мне вызвался помогать Скородубов. Было видно, что офицер откровенно соскучился по морю и кораблям. Вроде и пробыл на суше всего ничего, но он видимо из тех, кого называют фанатиками своего дела. Поэтому даже когда отчалили, мужчина остался сидеть на стульчике рулевого, а я с девушками ушел в каюту.

Настя тут же села рядом со мной. С ее лица почти не сходила улыбка, заставляя Анну смотреть на нас с кислым лицом. Хоть та и старалась выглядеть безмятежно, но получалось у нее откровенно плохо.

– Больше никаких поцелуев до свадьбы, – немного сварливо сказала она, смотря на Настю в упор. – Уж я прослежу за этим.

Это чуть притушило радость Анастасии, но не убрало ее окончательно.

– Завидовать – грех, – наставительно сказала девушка сестре. – Лучше мужа себе найди. Роман, а у тебя есть друг, с кем Аню можно познакомить? – тут же переключилась она на меня. – Дружили бы семьями.

Да уж. Быстро девушка стала считать меня женихом и почти мужем. А на вид такая тихая была.

– Есть знакомый, который был моим секундантом. Вы его видели в театре.

– Нет уж, – замотала головой Анна. – Не в обиду будет сказано, но он не в моем вкусе. Вот если бы он был похож на тебя, Рома, – очевидно желая подразнить сестру, протянула Анна. Еще и губки облизала, смотря на меня почти в упор.

Я тут же почувствовал, как в мою ладонь впились пальцы Насти, а сама девушка даже придвинулась поближе, всем видом показывая: мое, никому не отдам. Аня лишь рассмеялась от такой реакции. Этого и добивалась. Зато хоть немного атмосфера в каюте перестала быть столь напряженной, что в самом начале. Дальше уже я постарался перевести тему, спросив девушек, как им сам спектакль тогда – понравился? И это удалось. Сестры были очень довольны представлением, и начали делиться своими впечатлениями. Дальше наше плавание проходило спокойно и без попыток сестер перебрашиваться колкостями.

Григорий Александрович с облегчением упал на мягкую кровать в своей квартире. Чистый после ванны, в которой он просидел не меньше часа, желая отмыться от той грязи, что к нему прилипла в арестной комнате. Пусть даже ее было не особо много, но князь ощущал, будто с ног до головы испачкан в дерьме. Тут верный слуга принес ему вина и закуску. Отпив глоток, Белов остановил того в дверях, когда слуга хотел уже удалиться.

– Скажи, ты знаешь слухи, что ходят обо мне в обществе?

Князь желал проверить, насколько капитан был с ним честен.

– К сожалению, барин, Винокуровы оболгали вас самым мерзким образом, – вздохнул слуга, который знал характер князя и не особо торопился вываливать на того все новости. А то ведь можно и под горячую руку попасть.

– Рассказывай, – жестко приказал Григорий Александрович. – Все, без утайки!

Пришлось старому управляющему квартиры Белова делиться теми сведениями, что ему были известны. Прекрасно зная, что для дворян – любая крупица информации важна гораздо больше, чем обычные деньги, Семен, как звали слугу, собирал все возможные слухи, гуляющие по городу. На том и поднялся, а потому сейчас исправно докладывал князю все, что знал.

– Не соврал он, выходит, – мрачно процедил Белов, когда слуга замолчал. – Много кто этому поверил?

– Далеко не все, господин. Но все же свет в сильном недоумении. То, что Винокуровы не врут, подтвердилось. Также выяснилось, что до этого они собирались провести усовершенствование своего промысла. В таких условиях у них каждая копейка на счету. Даже в банк Винокуров старший ездил за ссудой и получил ее. О том тоже уже все вызнали.

– И кто как думает – для чего я мог пойти на поджог? – рыкнул князь, опустошив первый бокал.

Слуга тут же наполнил его вновь.

– Кто-то считает, что вы просто позавидовали соседям. Кто-то склоняется к тому, что у вас был не афишируемый личный конфликт. В то, что у вас просто помутился рассудок, мало кто верит. Хотя до конца эту версию не откидывают.

– Понятно, – выдохнул Белов.

В ближайшее время ему придется сильно постараться, чтобы восстановить свою репутацию. А он ведь ее годами зарабатывал! Благодаря чему даже на его шалости с крепостными смотрели все снисходительно. Никто не идеален, а тут – ну подумаешь, с девками князь балуется. Это даже к лучшему, ведь не будь у Григория Александровича такого грешка, то свет мог на пустом месте сам что-нибудь придумать и приписать.

– Еще что-то было из значимых новостей? – спросил чисто для проформы князь, не особо веря, что новость о его аресте что-то могло перебить. Но слуга его удивил.

– Да, господин. Винокуров младший вызвал на дуэль одного заезжего дворянина в театре своей тети. Состоялась она или нет – пока неизвестно. Но секундантом у проезжего вызвался быть сам Василий Емельянович.

– Ах ты ж с. кин сын! – вскочил с кровати князь в ярости. – Так вот как ты «уговорил» этого щегла?! Пригрозил ему судом за дуэль?! Да из него веревки можно было вить, а вместо этого – с меня расписку содрали? И сколько же из

тех денег ему самому перепало?

Старик заметался по комнате. Поведение капитана ему еще в участке не понравилось. Как тот вел себя высокомерно, почувствовав за собой силу. Как прижал к стенке, вынудив переписать на него целую деревню. А тут еще, оказывается, и Винокурова можно было заставить отозвать его письму без всяких отступных!

– Пригрел змею на своей груди, – шипел князь. – А он что? Руку кормящую в ответ кусать вздумал? Ну погоди, Вася, так просто эта твоя выходка тебе с рук не сойдет! – погрозил мужчина в воздух кулаком.

Вскипевшая в крови ярость отступила также быстро, как и пришла. Вместо нее накатила усталость и опустошение. Все же несколько дней в арестной комнате не прошли для Белова даром. Рухнув обратно на кровать, Григорий Александрович продолжил думать, а кто еще мог его подставить вот таким «молчанием»? И на ум тут же пришел граф Свечин. Не зря ведь он ничего не сказал о своих успехах.

– Это он должен был мне ту девку привести, – прошептал с притухшей ненавистью князь. Сил на большее уже не было. – А вместо этого мне самому пришлось за ней ехать. Я ему услугу оказал, а тут расплачиваться за нее должен. Нет уж, Константин Васильевич, вы мне все вернете. С процентами! И девку ту теперь пускай граф достает. Иначе я ему устрою...

От общей слабости и выпитого алкоголя голос князя все был тише и тише, пока и вовсе он не замолк. Слуга убедил-

ся, что с мужчиной все в порядке, просто спит, и быстро убрал всю еду с кровати, после чего уложил своего господина поудобнее и поскорее удалился. Вскоре по опыту Семёна князь проспится и тогда разовьёт кипучую деятельность. Надо быть к этому готовым.

В Царицын мы прибыли уже в сумерках. Когда пристали, Петр Егорович первым делом отправился к начальнику порта, сославшись на то, что хочет узнать – как дела со шхуной, на которой он служит, и попросил его дождаться. Мы же не стали терять времени даром и пошли искать экипаж. К моменту, как вернулся Скородубов, мы уже сидели в бричке, а девушки задремали, прижавшись друг к другу.

– Все в порядке, – выдохнул мужчина. – Поехали.

Первым делом мы домчались до квартиры Скородубовых, где Петр Егорович внезапно предложил мне остаться на ночь.

– Уже поздно, искать сейчас комнату – лишь время терять. Да и какой я буду хозяин, если отпущу вас в ночь, – усмехнулся он. – Пусть у нас места мало, но как-то же в вашем доме мы потеснились. Тут тоже найдем для вас кровать.

Отказываться я не стал, так как и правда ехать куда-то сейчас не хотелось. И кроме того у меня уже выработалась некая привычка – стоит мне прибыть в Царицын, как меня тут же находит Екатерина Савельевна. Уверен, без ее связей с домовниками тут не обошлось. Пусть хоть в этот раз мой

визит пройдет без встречи с этой женщиной.

В итоге ночевал я на кровати самого офицера, а тот постелил себе на полу. Было немного неудобно, но Петр Егорович настоял, заявив, что в походных условиях еще и не такое бывает.

С утра я первым делом как обычно принялся за тренировку. Обливался в ванне Скородубовых. Там же по-быстрому и помылся. А то в последнее воскресенье бани не было – при гостях ее топить не стали. А то неудобно как-то вышло бы, все хозяева помылись, а им что делать? У тети в усадьбе тоже баню не топили, и я не просил о том – так события в галоп поскакали, что не до гигиены было. Но сейчас уже не было мочи терпеть. Казалось, что я весь грязный, хотя и обливаюсь каждый день, смывая пот.

Саму тренировку пришлось проводить в комнате Петра Егоровича. Не смущать же девушек своим полуголым видом. И их отец вряд ли спокойно на это посмотрит. А после завтрака я отправился... нет, не к архитектору. К цирюльнику. Зарос уже прилично, и пушок на лице появился подростковый. Выглядит он не очень, лучше уж сбрить. Заодно и быстрее волос расти начнет. Тогда можно будет подумать, чтобы усы отпустить. А то без растительности на лице в местном обществе мужчины редко ходят. Тоже своеобразные правила приличия.

К Антону Антоновичу я добрался лишь к обеду. Архитек-

тор встретил меня нетерпеливо.

– Что-то вы задержались, – не преминул он мне высказать свое нетерпение в лицо, когда мы поздоровались.

– Были дела, – отрезал я. – Вы закончили?

– Да, все готово, – закивал мужчина и чуть ли не за руку меня потянул в свой кабинет.

Осмотрев чертеж, я не нашел, к чему придраться. Не разбираюсь я в них настолько, чтобы все понимать. Но в целом – выглядит все толково и все мои замечания по будущему устройству лесопилки учтены.

– Ну как? Принимаете работу? – спросил Невеселов, когда я свернул проект обратно в трубочку.

– Да, но если у Алексея Юрьевича будут претензии – переделывать будете бесплатно, – тут же заметил я, вспомнив наш торг.

– Хорошо, – покладисто согласился инженер. – Тогда могу я получить оставшуюся часть оплаты?

С этим я тянуть не стал и передал ему сто пятьдесят рублей. После чего мужчина быстро засобирался, пусть и извиняясь, и выпроводил меня из дома. Может, не особо и вежливо было с его стороны, но мало ли, что у него за дела. Я не стал заострять на этом внимание. Главное я от него получил, так что можно на поведение архитектора и плюнуть.

Петр Егорович был зол, хоть и не показывал этого дочерям и Роману. Когда они вчера прибыли в порт, он не просто

так пошел к его начальнику. Ситуация с яхтой требовала от мужчины окончательного разрешения. Да, он видел бумагу о дарении, но все равно, желал убедиться, что никакого подвоха здесь нет. В этот раз начальник порта был у себя. Слова Романа он полностью подтвердил, даже показал в журнале учета судов соответствующую запись.

– Зачем вам это, Петр Егорович? – с удивлением спросил Александр Анатольевич.

– Новый владелец яхты возможно станет моим зятем, – поделился Скородубов, начав формировать мнение окружающих об отношениях своей дочери с Винокуровым. – Уже решили провести помолвку. Но меня недавно ввел в заблуждение бывший хозяин яхты, утверждая, будто сдал ее в аренду. Я хочу наказать его за клевету.

– Серьезное обвинение, – нахмурился усатый мужчина. – Кто-то еще был свидетелем его клеветы?

– Да. Этот... господин, – выплюнул слово офицер, – был со своим приятелем. Видать перед ним хотел покрасоваться. Уж не знаю, в городе они или нет, но я желаю, чтобы все знали – Канарейкин Виталий Мстиславович бесчестный человек, способный нагло врать прямо в глаза.

Александр Анатольевич нахмурился, но возражать не стал.

– В порту об этом станет известно всем, – пообещал он. – А там вести и дальше разойдутся.

– Премного благодарен, – шелкнув каблуками, отдал

честь старшему по званию Петр Егорович.

Однако одни слова начальника порта его не устроили. Поэтому сегодня с самого утра он решил отправиться в полицейский участок. За клевету полагалось наказание в виде ареста до двух месяцев. Если доказать, что была опорочена честь, то клеветник обязательно сядет. А доказать по мнению Петр Егоровича было проще простого. Достаточно показаний самого Скородубова, что его выставили в неприглядном свете и чуть не поссорили с уважаемым родом. А там и Роман может дать свои показания, ведь еще опорочили и его, назвав лжецом. Офицер был уверен, теперь этот мерзавец не уйдет от правосудия.

Когда я вернулся в квартиру Скородубовых, обе девушки уже ждали меня с нетерпением. Оно и понятно, я пообещал Насте прогулку перед своим отъездом, а так как ходить в одиночку в моей компании ей нельзя, ведь мы пока еще даже не помолвлены, то «выгуливать» я буду обеих девушек.

– Прекрасно выглядишь, – оценила мой внешний вид первой Анна.

– Очень красиво, – улыбнулась Анастасия, не обратив внимания на то, что ее сестра первой высказала мне комплимент.

Ну а что? Подросткового пушка на лице больше нет, волосы теперь короткие, особенно по бокам и сзади. Лишь копна сверху осталась, но в меру, не «горшок» крестьянский.

Прическа всегда меняет внешний вид человека, это давно известно.

– Дамы, приглашаю вас на прогулку, – галантно протянул я руку Насте.

Анна посмотрела на это с небольшой ревностью, но и только. В отличие от той же Кристины устраивать склоку не стала. А вот Уварова, уверен, не смогла бы сдержаться и хотя бы словесно, но уколола сестру.

Гулять по Царицыну особо было негде. Мы посетили базар, где я прикупил для девушек цветов, сходили до набережной, по пути посетив небольшое кафе, и вернулись обратно. Когда забирал сестер, они были одни, но вот по возвращению нас уже ждал Петр Егорович. И вид у него был какой-то решительный и мрачный. Причем смотрел он на меня. Неужто я опять нарушил какие-то правила приличия?

– Роман, нам нужно посетить полицейский участок. Тебя там ждут.

Вот блин, а здесь-то я что успел натворить?

– Аккуратнее, не уроните! – покрикивал на подчиненных Кузьма Авдеевич.

Его бригада собиралась вернуться в земли Винокуровых еще три дня назад, чтобы продолжить работу. Вот только события подхватили и их, отложив поездку на сутки. И лишь со вчерашнего дня они приступили к кровле крыши мастерской. Сам здоровяк был мрачен. Ему не по нутру было, что

понравившуюся ему девушку использовали в своих играх дворяне. К тому же пусть князя арестовали, но сам Кузьма не мог остаться с Пелагеей и поддержать ее. А хотелось. Очень.

Тут к стройке подъехал на коне их наниматель – Сергей Александрович. Вид у помещика был довольный, как у кота, объевшегося сметаны. Утром Кузьма видел, как в сторону поместья проезжал почтовый дилижанс. Видимо какую-то хорошую весточку барин получил, сделал вывод артельный бригадир.

– Ну как вы тут? – спрыгнув молодцевато с коня, спросил мужчина.

– Через пару дней все закончим, – заверил его Кувалдин. – Только тучки набегают. Как бы дождь не пошел. Он может срок сбить.

– Ничего страшного, – отмахнулся помещик. – Тихон же с вами? Поджигатель этот недоделанный, – с усмешкой сострил барин.

– Позвать? – насторожился Кузьма.

– Зови.

Парень прибежал быстро. Вид у него был смурной. Надолго ему пьянствовать в бригаде не дали, а сейчас гоняли в хвост и в гриву, чтобы работал за троих. Вот и выматывался он больше остальных.

– Ну что, ирод, – начал весело барин, из-за чего Тихон побледнел, – дождался? Теперича по-другому запоешь.

– Чего дождался, барин? – упавшим голосом спросил па-

рень.

– Вот, – потряс мужчина бумагой, которую вытащил из запазухи. – Теперь ты не князю, а нам принадлежишь. Весь, с потрохами. Так что могу с тобой делать все, что захочу, – оскалился Сергей Александрович.

И от этого жуткого выражения лица помещика парень попятился.

– Н-не губите! Христом богом молю, не губите! Все сделаю! На все пойду! Только...

– Заткнись, – брезгливо посмотрев на трясущегося парня, оборвал его Кузьма Авдеич.

Еще и пристукнул слегка, чтобы тот блажить перестал. А сам покосился в сторону Винокурова.

– Позвольте спросить, господин. А как оно вышло?

– Князь дал заднюю. Испугался каторги, – не стал разводить тайн помещик. – Выплатит нам виру за поджог, да вот его, охальника, нам отдал.

– Получается, он теперь на свободе? – брови артельного старшины поползли вверх.

– Ну да, – пожал плечами беспечно дворянин. – А ты, Кузьма, радуйся. Скоро мой сын должен вернуться с планом новой лесопилки. Теперь уже точно ее в ближайший срок построим. Тебе и карты в руки, – затем помещик перевел взгляд на дрожащего парня и фыркнул. – Смотри, портки не обмочи. С тобой мой сын сам разбираться будет. И не смей руки на себя накладывать, пока его ждем. Здесь пока отра-

батывай свою повинность, – он снова повернулся к здоровяку и добавил. – Если с ним чего случится – с вас спрошу. Он теперь наша собственность.

С тем Винокуров и ускакал, оставив Кузьму лишь зло кушать губы и с ненавистью смотреть вслед дворянину. Прав был Тихон, когда кричал, что с ними, как с куклами играют. Добились, чего хотели, и плевать им на судьбы крестьянские. Вот что теперь с его Пелагеей будет? Про нее Винокуров ни слова не сказал. Как бы она опять в руки князя не попала, только на этот раз окончательно и бесповоротно.

«Ну уж нет, – мысленно встряхнулся здоровяк. – Я этого не допущу!»

– Терентий! – крикнул он самого доверенного своего работника. – Мне по делам отлучиться надо в город. Остаешься за меня.

– Надолго, Кузьма Авдеич? – спросил мужик, отвлекаясь от работы.

– До тех пор, пока не вернусь. Сам не знаю, сколько времени займет.

Терентий лишь удивленно в затылке почесал, но спорить не стал. А здоровяк отправился пожитки свои собирать. Путь до Дубовки, да еще пешком, не близкий. А ему теперь кровь из носу нужно туда побыстрее попасть.

Глава 5

13 – 14 июля 1859 года

– Все? – спросил я пристава, отдав ему свое заявление о клевете.

– Да, больше я вас не задерживаю, – кивнул мне полицейский.

Я с облегчением выдохнул и покинул участок. Надо сказать, когда мне Петр Егорович только сказал о необходимости посетить полицию, я изрядно напрягся. Мало ли, может это происки князя Белова, или капитан Губин все же решил дать ход делу о дуэли. А то и сам мой оппонент. Но Скородубов по пути объяснил мне, что просто не хочет оставлять выходку Канарейкина безнаказанной и уже подал заявление от своего лица. И в участке попросили привести меня – как свидетеля, а заодно и еще одного пострадавшего от клеветы Виталия Мстиславовича. Так как дело уже было заведено, я не стал отказываться. Да и подпортить это могло мои отношения уже с самим Петром Егоровичем. А он вполне возможно моим тестем в будущем станет.

Решив этот вопрос, я попрощался с офицером и отправился в порт. Мне надо обратно в Дубовку. Пока меня не было, мама должна была отправить сообщение отцу, чтобы тот выдвигался в город с остальной семьей. Уже в Дубовке мы соберемся все вместе и отправимся обратно в Царицын –

запускать официальную процедуру помолвки. Согласно ней жених с родителями должен прийти в дом невесты с просьбой отдать ее в жены. Так-то подобное событие должно сопровождаться балом и приемом гостей, на которое рассылают специальные приглашения. Вот только ничего подобного Скородубовы устроить не могли, а потому решили обойтись «усеченным» вариантом. Приедем я с родителями, а Скородубовы позовут своих друзей в городе. Братьев и сестру мы оставим на попечение тети с ее мужем.

Помолвка – не венчание, но кольца мы друг другу подарим. Они так и называются «помолвочные». И с момента, как произойдет помолвка, начнется следующий этап подготовки к бракосочетанию. Для начала будет составляться так называемый «брачный обыск». Это специальный документ, в котором я должен указать, кого конкретно собираюсь взять в жены. На его основе начнет работать церковь. Будут подняты наши родословные, чтобы убедиться – не состоим ли мы в родстве. Также будет проверяться, что девушка выходит замуж не под давлением и все происходит по взаимному согласию. Ну и кроме того Петру Егоровичу придется подготовить приданое за Анастасию, которое также будет зафиксировано в отдельном документе. Он так и называется «роспись приданому». Короче, процедура женитьбы в это время далеко не быстрая и официальная часть начинается задолго до самого венчания. Обычно между помолвкой и свадьбой проходит в среднем пара месяцев. Мы же заранее договори-

лись на год. У нас к тому и особые обстоятельства имелись – мой возраст, поэтому в обществе такой срок не вызовет ни у кого недоумения.

Отчаливая, я испытал нечто вроде грусти. Впервые за последние дни буду плыть один. А я уже успел привыкнуть, что рядом кто-то всегда есть. Нет, все же, как вернусь домой, точно найду себе слугу! Даже в компании крестьянина какого-нибудь будет веселее.

Сергей Александрович был доволен. Наконец-то его сын нашел себе невесту! Жаль, что это не дочка соседей, но все равно партия неплохая. Правда он все равно припомнит Роману его слова про «более хороший выбор», которые он приводил как аргумент, чтобы не связывать себя узами брака с Уваровыми. Ну чем эти Скородубовы лучше? Земель нет. Связи? Разве что среди моряков, но и то надо еще посмотреть. Не показался Петр Егорович мужчине человеком, способным заводить знакомства к своей пользе. Однако же сумел он выслужиться до старшего помощника капитана и имеет перспективы сам возглавить боевой корабль. Так что не все там плохо. Сами дочери у него конечно получились на загляденье. В этом плане Сергей Александрович сына понимал. По внешности они большую фору дадут сестрам Уваровым. Но опять же – кто знает, в какую красавицу вырастет Валентина? Задатки у нее есть.

– Собрались? – задал помещик риторический вопрос,

оглядывая своих детей. – Тогда выдвигаемся.

Ехать им предстояло на тарантасе. Митрофан уже запряг его и лишь ждал отмашки. Ну да это дело секундное.

Дети были в предвкушении. Давно они родной дом не покидали. Да и с тетей повидаться хотелось всем троим.

Стоило тарантасу пересечь мост недалеко от сожженной лесопилки, как вскоре они обогнали мощную фигуру артельного старшины.

– Стой! – приказал Митрофану Сергей Александрович.

Дождавшись, когда мужик поравняется с тарантасом, мужчина окликнул его.

– Ты чего тут расхаживаешь? – задал он вопрос в лоб.

– Дело срочное появилось в Дубовке, Сергей Александрович, – хмурясь, ответил здоровяк. – Не беспокойтесь, я оставил за себя старшего. Люди не подведут, все в срок сделают.

– Нда? – хмыкнул Винокуров.

Потом задумчиво почесал подбородок и предложил.

– А садись-ка ты к нам. Заодно расскажешь, что там за дело. Может, и помогу чем.

– Благодарю, Сергей Александрович, но я сам, – покачал головой здоровяк.

А вот это уже не понравилось Винокурову. Он тут милость оказывает и свое расположение, а какой-то мещанин нос крутит!

– Оскорбить меня вздумал? – грозно насупился дворянин.

– Ни в коем разе, – снова покачал головой Кузьма Авдее-

вич. – Но выдержит ли ваша лошадь? Я все же немало вешу.

– Ты за нее не беспокойся. Садись, давай.

Поджав недовольно губы, хоть и стараясь скрыть свое раздражение, Кувалдин забрался в тарантас. Тот сразу накренился на один бок, и пришлось здоровяку усесться посередине дивана. Близнецы в итоге расселись по сторонам от него, а Люда села рядом с отцом. Тогда уже тарантас выровнялся, и лошадь, пусть и с натугой, но сдвинулась с места.

– Так что тебя так с места заставило сорваться? Какая весть такая?

– Ваша весть, что князь Белов свободу получил, – буркнул мужик.

– И чего тебя так взволновало? – не понял Сергей Александрович.

– А то, что на Пелагее он точно теперь сорвет свою злость. Вы же ее без защиты оставили, – с прорывающимися нотками злости, сказал Кузьма Авдеич. – А мне она по сердцу пришлась.

– Вон оно что, – понимающе протянул помещик. – Да уж. Не девка, а прямо яблоко раздора. Или ведьма какая...

– Она не ведьма, – посмел перебить мужчину здоровяк.

– Вот и я о том говорю, – нахмурился Сергей Александрович. – Что голову заставляет мужчин терять. Сначала моего сына охмурила. Еле сумели ему глаза открыть, да выпроводить с порога. Потом Григорий Александрович разум потерял и подставился. А сейчас ты мне смеешь дерзить из-за

нее, не думая о последствиях.

– Простите, сударь, – покаялся бригадир, но в глазах его все еще стояло упрямство не согласного со словами барина человека.

В тарантасе воцарилось молчание. Лишь дети с любопытством поблескивали глазами, но не решались влезть в разговор взрослых.

– Ладно, – спустя пару минут махнул рукой Сергей Александрович. – Я тебя понял. Но скажи, чем ты ей помочь сможешь, коли князь и впрямь решит опять ее силой взять? Ты сам сказывал, из-за чего твоей артели задержаться пришлось. Думаешь, сейчас что-то изменилось?

– Тогда я не знал об опасности. Сейчас – ведаю о ней. Потому да, изменилось, – упрямо набычился здоровяк.

– Может быть, – легко пожал плечами помещик. – Однако знай. Пусть мне Ольга Алексеевна о том не писала, но я уверен – Роман тоже подумал, что девка эта без защиты останется. И зная своего сына, почему-то я думаю, что как-то от Григория Александровича он ее прикрыть смог.

– Почему же ваша супруга о том не писала? – удивился Кузьма.

– Так не любит она эту девку, – ответил помещик. – С самого первого дня невзлюбила. Ты лучше скажи, надолго артель оставляешь? Так и будешь насадкой у Пелагеи? А оценит ли она такое?

Здоровяк промолчал, так как ответа у него не было. Удо-

влетворенно кивнув, Сергей Александрович продолжил.

– Я тебе совет дам. Настроение у меня сегодня отличное – Роман на помолвку решился. Так что слушай. Ты с этой Пеллагеей встреться, раз уж решил. А потом обратно вертайся. Можешь с Романом поговорить – узнать, что он на ее счет придумал. Но мужик, который рядом с бабой квохчет, ей самой и даром не сдался. Это уже и не мужик получается, а нянь. Или сторожевой пес. Тогда она на тебя как на мужа точно смотреть не будет.

Слова помещика пришлись здоровяку не по нраву, но он промолчал. Однако задумался. Сергей Александрович по его лицу это хорошо видел. Сам же Винокуров сказал это не просто так. Работа артели Кувалдина ему нравилась. Все делают быстро, мужиков деревенских почти не задирали, не напиваются и мастерскую возвели качественно – золото, а не работники. Но будут ли они такими же без пригляда со стороны Кузьмы Авдеича, мужчина не знал. И рисковать не хотел. Им еще лесопилку строить.

Оставив на время мужика подумать над своими словами, Сергей Александрович переключил внимание на детей. Ему было интересно, что они ожидают от этой поездки. Так и добрались до Дубовки.

В Дубовку я дошел к вечеру. И снова на улице сгущались сумерки, а небо потихоньку затягивало тучами. Оно и понятно, давненько дождей не было. А скоро осень, так они

еще чаще станут нас «навещать».

В усадьбе кроме мамы собралась вся наша семья. Тетя с Владимиром Михайловичем неожиданно для меня этому лишь обрадовались. Особенно звонким голосам мальчишек, играющих в солдатиков. Да и к Люде они относились весьма благожелательно. Повезло нам с родственниками.

– Роман, ты вовремя, – позвала меня мама, когда я со всеми поздоровался. – Мне нужно, чтобы ты совершил выбор.

Что за выбор, я сначала не понял. Но оказалось, что мама успела сходить к ювелиру и взять несколько колец. Из них-то я и должен выбрать ту пару, что станут помолвочными. Остальные потом просто вернем.

Среди четырех предоставленных пар колец мне понравились серебряные. Для девушки – с ажурным листиком и брильянтом в центре. Камень выглядел словно росинка, упавшая на лист и почему-то задержавшаяся там. Тонкая работа. А мужское кольцо было больше на перстень похоже. И камень не прозрачный, а черный. Но орнамент вокруг него тоже из листьев.

– А оно подойдет? – спохватился я, когда мама убрала остальные кольца.

– Я узнала у Анастасии ее размер, – успокоила меня мама. Сколько стоила это красота, мама умолчала. Но с выплатой от князя, которую тот обязан нам совершить, это сейчас не особо важно. После этого выбора мы вернулись обратно в общий зал к остальным родственникам. Люда тут же под села

ко мне, предложив попрактиковаться в игре на гитаре.

– Ты играешь – я пою, – сказала она. – И тебе и мне практика.

Отказываться я не стал, а сестра захотела повторить «10 капель», что я ей когда-то напел. В этот раз у меня получалось уже вполне сносно переходить с аккорда на аккорд. Даже заминок было в разы меньше. Скоро их и вовсе не станет.

– Я поделилась этой песней с Кристиной. Надеюсь, ты не в обиде на меня? – с внутренней опаской спросила Люда.

– Ну раз уж ты это сделала, что я могу изменить? – вздохнул я в ответ.

– Она расстроится, когда узнает о помолвке, – заметила сестра.

– Вот заодно и проверишь – она с тобой ради меня дружить собралась, или все же хочет тебе настоящей подругой стать.

Девочка грустно кивнула. По ее виду было понятно, что во второй вариант она верит слабо, и ее вполне устраивал и первый. Все же скучно и грустно ей без общения. Остальные родственники обсуждали будущую помолвку и с нетерпением ждали завтрашний день. У меня же он вызывал небольшой мандраж. Вот уж не думал, что решусь на такой ответственный шаг так скоро. И чтобы отвлечься, позвал тетю поиграть в карты. Посмотрим, кто на этот раз у нас будет победителем.

– Кузьма Авдеевич? – удивилась Пелагея, когда открыла дверь. – Что вы здесь делаете?

– Хотел тебя проведать, – облегченно выдохнул здоровяк. – Я не вовремя?

– Проходите, – посторонила девушка.

Кузьма прошел в снимаемую комнату девушки, попутно осмотревшись. Он впервые был здесь, и ему было неловко. Все же наедине с такой красавицей остался. Что ни говори, а такое порицается даже у крестьян. Хотя в их среде на подобное смотрят чуть проще, чем у аристократов, но все же... В комнате Пелагеи было довольно скромно. Одна кровать, небольшой столик и шкаф со стулом. Вот и вся мебель. Сама комнатка тоже маленькая. Стоило мужику зайти, как он занял чуть ли не треть свободного пространства.

– Я слышал, что князя Белова выпустили, и сразу приехал к тебе. Переживал, – выдохнул здоровяк и с удовольствием заметил смущенный румянец на щеках девушки.

– Не стоило. Я знаю, что его выпустили. Я... присутствовала при этом, – чуть запнувшись, призналась она.

– Вот как? – удивился мужик. – И... как это случилось?

– Роман Сергеевич заключил сделку с князем. Если бы он на это не пошел, его самого бы посадили в тюрьму. Так он мне потом рассказал.

Мужик помрачнел.

– Как обычно – बारे только о себе думают, – процедил он.

– Нет! – вскинулась Пелагея. – Роман Сергеевич пригро-

зил князю, что если со мной что-то случится, то он в стороне не останется. А уж Роман Сергеевич слова на ветер не бросает.

Кузьме не понравилось, как девушка восхищается молодым дворянином. словно влюблена в него. Мужик не хотел этого признавать, но он испытывал ревность, что понравившаяся ему красавица, восхищается не им. И если бы не сословные различия вполне могла достаться этому юнцу не оперившемуся.

– Хочешь, я останусь и буду тебя всегда защищать? – решил мужик и задал самый главный для себя вопрос. – Понимаю, что это не по правилам, но ты... – на секунду замаявшись, он решительно закончил, – согласилась бы стать моей женой?

Пелагея растерялась. Ее взгляд заметался, а она сама стала избегать смотреть в глаза Кузьме.

– Хочешь чаю? Я сейчас схожу до кухни... – сменила она тему.

Здоровяк мрачно поджал губы. Пусть прямого ответа не прозвучало, но все стало понятно и так.

– Ты его любишь? – не выдержал он. – Ты же понимаешь, что вам не быть вместе?

Пелагея замерла на мгновение, а потом снова засуетилась. Достала из шкафа пару кружек, сахар, и попыталась пройти мимо мужика в коридор.

– Подожди, я сейчас все сделаю, – прошептала она, словно

не услышала последних слов.

Но тот ее придержал за талию, от чего Пелагея вздрогнула.

– Скажи, у меня есть хотя бы шанс?

– Кузьма Авдеевич, – губы девушки задрожали. – Я... не знаю. Вы хороший человек, но...

– Ясно. Хотя в чем-то барин оказался прав, – пробормотал непонятно для Пелагеи он и покинул комнату.

Внутри бригадира жгло мужское самолюбие и злость на юношу, который с пеленок в шелку да в бархате. Мужу приходилось прогрызать свой путь в жизни. Набиваться на обучение в артель, проявить там себя, тяжело работать, чтобы получить уважение, деньги и хоть толику влияния, а этот Роман... у него все есть с рождения. И девицы буквально кидаются ему в ноги, желая, чтобы и на них хоть немного пролилась эта благодать.

«И Пелагея такая же, – со злостью подумал Кувалдин. – Все бабы не на мужскую статью смотрят, да на честность и трудолюбие. Им лишь роскошь подавай. Готовы под кого угодно лечь, если будут знать, что не рабынями окажутся, а достаток в один миг получают. Опять мне не повезло».

Желание защищать девушку у Кузьмы разом пропало.

«Пускай ее хоть князь, хоть кто угодно насильничает. Верит так в своего Романа Сергеевича, вот пусть он ее и защищает, – со злостью думал здоровяк. – А я палец о палец не ударю. Все, выкинуть надо ее из головы. Дурак, и зачем со стройки сорвался? Ради кого?..»

В таких невеселых думах он добрел до ближайшего кабака и ввалился в него. Сейчас желание у бригадира было одно – напиться и забыть девушку, не оправдавшую его ожиданий.

– Господин, – лакей позволил себе потревожить князя, когда тот отдыхал после бани.

– Ну чего еще?

Григорий Александрович только что хорошо попарился. Так еще и после баньки успел кваса выпить, а то от вина у него мигрень развилась.

– Смею думать, вам может это быть интересно. Недавно по нашим землям проехал экипаж Винокуровых. По словам крестьян – в нем была вся семья ваших соседей. Из тех, кто оставался в поместье.

При упоминании ненавистной фамилии, Белов скривился. Но ругать слугу не стал, ведь сведения и впрямь интересные.

– Опять чего-то затевают. Небось, снова их неугомонный сынок что-то учинил. Все пошло наперекосяк, когда этот Роман со своей учебы вернулся!

Отпив еще кваса, князь задумался, может ли использовать как-то то, что Винокуровых нет дома. Прямое нападение он отмел сразу. На него же в первую очередь подумают. Зато появился шанс встретиться с подлецом Свечиным так, чтобы об этом не узнали Винокуровы! Или хотя бы сразу не вычислили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.